

История Русской словесности

Часть 2. Отдел 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И90

И90 История Русской словесности: Часть 2. Отдел 3 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 258 с.

ISBN 978-5-519-49554-7

Новый период. Литература в царствование Александра I.

ISBN 978-5-519-49554-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ХАРАКТЕРЪ ОБРАЗОВАНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ ¹⁾.

Вступая на престолъ, императоръ Александръ I объявилъ, что онъ будетъ слѣдовать по стопамъ своей великой бабки, Екатерины II. Дѣйствительно: царствованіе Александра во многихъ отношеніяхъ представляется продолженіемъ царствованія Екатерины, съ разными, конечно, измѣненіями, которыя всегда неизбежно приносятъ съ собою прогрессивное движеніе времени. При Александрѣ созрѣли и принесли плоды тѣ сѣмена, которыя были посеяны при Екатеринѣ. Тѣ же высокія цѣли и стремленія къ образованію народа и водворенію въ Россіи правды и гуманности, которыя преслѣдовала во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ Екатерина, были главными и руководительными идеями и цѣлями при всѣхъ реформахъ Александра. Усвоеніе просвѣтительныхъ идей философіи и литературы XVIII в., задержанное въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и при имп. Павлѣ, при Александрѣ продолжалось съ новою силою. Въ литературѣ на смѣну уже устарѣваемаго ложноклассическаго направленія развилось новое сантиментальное направленіе; но въ то же время еще продолжали существовать, хотя въ измѣненномъ видѣ, и прежнія направленія—энциклопедистическое—съ классическимъ стилемъ и характеромъ, мистико-масонское и народно-русское.

---

¹⁾ О характерѣ образованія при Александрѣ I смотр.: Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе импер. Александра I. Журн. Мин. Нар. Пр. 1865—1866.—Рѣч. на столѣтнемъ юбилей импер. Александра I, академика М. П. Сухомлинова (Спб. 1877—Зап. Имп. Ак. Н. т. XXXI).—Очеркъ личности и дѣятельности Карамзина, академика Я. К. Грота (Сборн. 2-го Отд. Ак. Н. т. I).—Общественное движеніе при Александрѣ I. А. И. Пыпина. Изд. 2-е, 1895.—Сочиненія К. Н. Батюшкова со статьей о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. П. Сантовымъ, т. I—III Спб. 1887.—Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Грота, ч. 1—3. Спб. 1885.—Полное собраніе сочиненій П. А. Вяземскаго, изд. гр. Шереметевымъ. Спб. 1879, т. I—XI.

Просвѣщеніе народа, содѣйствіе успѣхамъ науки, искусствъ и литературы были главными предметами заботъ и попеченій импер. Екатерины; тоже самое мы встрѣчаемъ и въ дѣятельности импер. Александра, съ первыхъ дней его царствованія. Еще при Екатеринѣ нѣсколько разъ поднимался вопросъ объ открытіи университетовъ: объ этомъ разсуждали въ Коммисіи Уложенія, объ этомъ Екатерина разсуждала съ Дидро, который, какъ выше указано, начерталъ для нея и планъ университетовъ; въ Коммисіи народныхъ училищъ Завадовскимъ былъ составленъ планъ, въ которомъ предполагено было открыть три университета—въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Но университетамъ суждено было явиться только въ царствованіе Александра; въ самомъ началѣ царствованія, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, были открыты университеты въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ; преобразованы были университеты московскій, виленскій и дерптскій; основано нѣсколько лицеевъ: Демидовскій въ Ярославлѣ, царскосельскій, одесскій, нѣжинскій; по всей Россіи предполагено было открыть гимназій, уѣздныя училища и приходскія школы; составлены новыя уставы для Академіи Наукъ и Академіи Художествъ; возвращены средства къ существованію Россійской Академіи, которыя были отняты у нея Павломъ I¹⁾.

При основаніи университетовъ неизбежно должна была повториться та же исторія, какъ и при открытіи Академіи Наукъ: и для университетовъ, какъ для Академіи, оказалось нужнымъ на первыхъ порахъ выписывать иностранныхъ профессоровъ, потому что своихъ было еще мало. Открывая Академію Наукъ, Петръ В. для приготовленія ученыхъ изъ русскихъ людей учредилъ при Академіи гимназію и университетъ; но эти учрежденія, находившіяся большею частію въ завѣдываніи иностранцевъ, содержались очень небрежно и ученыхъ изъ русскихъ доставляли сравнительно немного²⁾; единственный университетъ, московскій, также мало

---

¹⁾ Известно, что имп. Павелъ I, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, президента Россійской Академіи, княгиню Дашкову, сослалъ въ ссылку и лишилъ Академію денежныхъ средствъ, а вслѣдъ за тѣмъ и помѣщенія ея, передавъ принадлежавшія ей дома въ другое вѣдомство; Академіи предоставлялось содержаться собственными средствами. Имп. Александръ повелѣлъ снова отпустить на содержаніе Россійской Академіи сумму, назначенную ей Екатериной, и далъ средства для перестройки зданія, въ которомъ помѣщалась Академія. Дашкова также была возвращена на прежнее мѣсто. См. Глѣвъ въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I, академикъ М. П. Сухомлиновъ. Зап. Ак. Н. т. XXXI. 1877 г.

²⁾ Смотри письмо академиковъ Озерецовскаго, Гурьева и Севастьянова, поданное имп. Александру въ 1801 г. съ просьбою о поддержаніи академическаго

могъ дать ихъ; въ немъ и самомъ лекціи по многимъ предметамъ читались по латыни и по нѣмцѣи, за непониманіемъ русскихъ профессоровъ. Какъ и при основаніи Академіи—поднимался также вопросъ, не преждевременно ли отрывать высшіе разсѣдники наукъ, когда еще нѣтъ самаго главнаго; но онъ самъ собою и падалъ, потому что, вмѣстѣ съ университетами, открывались разныя среднія и низшія школы. Какъ бы то ни было,—„Новый планъ народнаго просвѣщенія въ Россіи“, напечатанный въ 1803 г., былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ. Въ 5-мъ № Вѣстника Европы Карамзинъ восторженно привѣтствовалъ его слѣдующими словами: „Петръ В. учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ. Новая великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія въ Россіи, которое есть корень государственнаго величія и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славой монарховъ, не отечества, не народа. Не одно народное славолубіе . . . терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствию благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагѣ останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости и однимъ словомъ не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлю истинно великаго т. е. добродѣтельнаго монарха“. Особенно Карамзинъ указываетъ на важность и необходимость сельскихъ школъ. „Учрежденіе сельскихъ школъ, говоритъ онъ, несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія . . . Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ“. Въ обществѣ начались богатые пожертвованія на дѣла народнаго просвѣщенія. Прочитавъ „Планъ“, богатъ Демидовъ пожертвовалъ въ 1803 г. до милліона рублей деньгами, помѣніемъ (въ 450 тысячъ рублей), бібліотекой и нѣсколькими кабинетами для Московскаго университета, для будущихъ университетовъ и для основанія вышшаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ (Демидовскій лицей): другой богатъ, Шереметевъ, въ томъ же году пожертвовалъ до 2½ милліоновъ рублей деньгами и недвижимымъ имуществомъ на раз-

---

университета и о преобразованіи Академіи Наукъ, въ Исторіи Россійской Академіи М. И. Сухомлинова II, 361—367.

ныя благотворительныя цѣли; дворянство Харьковской губерніи, по призыву Каразина, сдѣлало пожертвованіе, въ 400 тысячъ рублей на заведеніе Харьковского университета. Было много и другихъ пожертвованій въ пользу университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, каковы пожертвованія Безбородка, Голлицина, княгини Дашковой и графа Н. П. Румянцева (пожертвованія изданій по древней русской исторіи и драгоцѣннаго Музея, вмѣстѣ съ домомъ для него) ¹⁾.

Учреждая повсюду высшія и низшія училища, импер. Александръ постоянно покровительствовалъ всѣмъ ученымъ и писателямъ, поощрялъ ихъ ученую и литературную дѣятельность, награждая ихъ труды, помогая имъ издавать ихъ сочиненія и даже нѣкоторыхъ приближалъ къ себѣ и пользовался ихъ совѣтами. Карамзинъ, первый и лучший писатель alexандровской эпохи, былъ самымъ приближеннымъ человекомъ и истымъ другомъ импер. Александра.

Инициатива просвѣтительной дѣятельности выходила отъ самого государя, самая же дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Кромѣ ближайшаго къ государю кружка, который составляли нѣсколько извѣстныхъ лицъ: Строгановъ, Новосильцевъ, Кочубей и Чарторыжскій, и въ которомъ начинались и приводились въ исполненіе планы всѣхъ реформъ, ознаменовавшихъ начало царствованія, извѣстно много другихъ лицъ, которыя были также передовыми и знаменитыми дѣятелями въ области просвѣщенія, какъ-то: Завадовскій, первый министръ народнаго просвѣщенія, М. Н. Муравьевъ, попечитель Московскаго университета, Мордвиновъ, Воронцовъ, Северинъ-Потоцкій, Каразинъ, основатель Харьковского университета, графъ С. П. Румянцева; извѣстно нѣсколько домовъ или цѣлыхъ семействъ, которыя были центрами, притягивавшими къ себѣ всѣхъ образованныхъ людей, въ которыхъ наука, искусство и литература находили для себя постоянный теплый пріютъ и всегдашнее покровительство. Таковы были семейства Тургеневыхъ, Муравьевыхъ и Олениныхъ.

II. П. Тургеневъ (1752—1807) принадлежалъ къ масонскому обществу и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Новиковаго кружка. Его имя прежде всего упоминается въ біографіи Карамзина, котораго онъ увезъ изъ разсѣяннаго свѣтскаго общества въ Симбирскъ въ Москву, убѣдилъ заняться литературой и ввелъ его въ общество Новикова. Состоя нѣсколько лѣтъ директоромъ Московскаго университета (1797—1803), онъ воспиталъ мно-

---

¹⁾ Общественное движеніе въ Россіи при Алекс. I, Пыпина.

жество полезных дѣятелей, которые всю жизнь почитали его какъ роднаго отца. У И. П. Тургенева было четыре сына, изъ коихъ особенную извѣстность приобрѣлъ, какъ меценатъ наукъ и искусствъ, *Александръ Ивановичъ Тургеневъ* (род. 1784). Выѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ Ивановичемъ онъ воспитывался въ Геттингенскомъ университетѣ, получилъ обширное образованіе и долго путешествовалъ по Европѣ, для собиранія матеріаловъ по исторіи Россіи въ иностранныхъ архивахъ и библіотекахъ. Во время своей службы въ разныхъ должностяхъ (онъ служилъ при статсъ-секретарѣ Новосильцевѣ и въ коммиссіи по составленію законовъ, былъ членомъ и секретаремъ Библейскаго общества, а также былъ членомъ общества арзамасскаго), онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ почти со всѣми лучшими писателями первой половины XIX в. и всѣмъ имъ оказывалъ помощь. Карамзину онъ помогалъ при собираніи источниковъ для Исторіи государства русскаго; Жуковский былъ много обязанъ ему въ упроченіи своего вышняго положенія. Участіемъ и покровительствомъ Тургенева пользовались Батюшковъ, Воейковъ, Козловъ, Милоновъ и А. С. Пушкинъ, котораго онъ опредѣлилъ въ Царско-сельскій лицей и котораго потомъ похоронилъ въ Святогорскомъ монастырѣ. Въ близкихъ отношеніяхъ къ Тургеневу находился еще П. А. Плетневъ, который высоко цѣнилъ его заслуги по собиранію матеріаловъ для исторіи Россіи.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (1757—1807), отецъ извѣстныхъ декабристовъ, Никиты и Александра Муравьевыхъ, былъ наставникомъ импер. Александра и великаго князя Константина, попечителемъ Московскаго университета и товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Благодаря его заботливости, при Московскомъ университетѣ было открыто нѣсколько обществъ: общество исторіи и древностей русскаго, общество испытателей природы, общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ ученыхъ и образованныхъ людей, которымъ онъ оказывалъ всякую помощь; въ его домѣ и подъ его ближайшимъ руководствомъ воспитывался Батюшковъ; онъ испросилъ у государя званіе русскаго исторіографа Карамзину, который въ послѣдствіи, въ благодарную память о немъ, издалъ его сочиненіе подъ заглавіемъ „Опыты исторіи, словесности и правоученія“ (въ двухъ частяхъ). Двоюродный братъ М. Н. Муравьева, *Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Анстолъ* (1768—1851) первое образованіе получилъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ, а закончилъ его въ Германіи, гдѣ онъ познакомился съ Кантомъ и Клоппштоккомъ, потомъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ, при миссіяхъ и посольствахъ

за границей, наконецъ былъ сенаторомъ и членомъ главнаго правленія училищъ. Будучи образованнѣйшимъ человекомъ своего времени, онъ занимался литературой, перевелъ „Облака“ Аристофана, „Школу злословія“ Шеридана, написалъ „Путешествіе по Тавридѣ“ и „Письма изъ Москвы въ Новгородъ“, напечатанныя въ Сынѣ Отечества (1813—1815)¹⁾, весьма интересныя для характеристики московскаго образованнаго общества, убѣжавшаго отъ Наполеона изъ Москвы въ Нижній. Замѣтнымъ еще, что сынъ Пвана Матвѣевича оказался въ числѣ декабристовъ и былъ казненъ²⁾. *Алексѣй Николаевичъ Оленинъ* былъ археологъ, любитель художествъ и самъ занимался рисованіемъ и гравированіемъ. Онъ много содѣйствовалъ успѣхамъ русскихъ художниковъ; въ его гостепріимномъ домѣ собиравлись всѣ русскіе таланты того времени: Озеровъ, Гпѣдичъ, Муравьевъ-Апостолъ, Уваровъ, Востоковъ и др. Сюда обыкновенно приносились всѣ новости, ученые и литературныя, извѣстія о новыхъ книгахъ, новыхъ стихотвореніяхъ, театральныхъ представленіяхъ и проч. Здѣсь Озеровъ въ 1804 г. въ первый разъ читалъ своего „Эдипа“, здѣсь же положено было ознаменовать торжество Озерова, по случаю перваго представленія его трагедіи, выбитіемъ медалей³⁾. Эти собранія въ домѣ Оленина весьма много оживляли его умная и образованная супруга, урожденная Полтавская.

Были и женскіе литературные салоны, составлявшіяся вѣроятно по подражанію французскимъ женскимъ салонамъ второй половины XVIII в.; таковы напр. были гостинныя Прасковьи Михайловны Ниловой и Анны Петровны Квашниной-Самариной; подъ ихъ вліяніемъ, между прочимъ, воспитывался Батюшковъ. Кромѣ упомянутыхъ лицъ были конечно и другія лица, способствовавшія распространенію образованія въ эту эпоху. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ указываетъ на Федора Васильевича Козлятсва, у котораго была большая французская бібліотека старыхъ и новыхъ писателей, на домъ Плещеевыхъ (Алексѣя Александровича и Настасьи Ивановны), въ которомъ находили особенное покровительство онъ и Карамзинъ, написавшій въ нимъ свои „Письма русскаго путешественника“, и на домъ князя А. П. Вяземскаго, гдѣ сходились образованные молодые люди, изъ которыхъ потомъ образовалось Арзамасское общество⁴⁾.

Направленіе въ образованіи было либеральное. Самъ государь

¹⁾ Перепечатаны въ Русск. Архивѣ 1876, кн. 3. Содержаніе ихъ изложено въ Пст. русск. слов. Галахова, II, 276—282.

²⁾ Смotr. у Майкова: Сочиненія Батюшкова II, 411—417; у Галахова въ Пст. русск. словесности II, 276—281.

³⁾ Смotr. у Майкова: Сочиненія Батюшкова I, 48—54.

⁴⁾ Взглядъ на мою жизнь П. И. Дмитріева 47—51; 78.

любимый внукъ поклонницы Вольтера, импер. Екатерины, былъ воспитанникомъ республиканца, швейцарца Лагарпа, который познакомилъ еще въ молодости своего ученика со всѣми идеями философіи и литературы XVIII в. Упомянутые выше люди, окружавшіе государя и стоявшіе во главѣ государственнаго управленія, были воспитаны еще при Екатеринѣ и также на сочиненіяхъ той же философіи и литературы. Графъ П. А. Строгановъ былъ воспитанникомъ француза Ромма, одного изъ якобинцевъ ¹⁾; графъ Кочубей воспитывался въ Женевѣ и Лондонѣ, гдѣ познакомился съ политическими науками; графъ Новосильцевъ четыре года жилъ въ Англіи и изучалъ также англійскія политическія учрежденія. Въ домѣ Муравьевыхъ воспитателемъ дѣтей былъ швейцарецъ, якобинецъ Петра. Въ домѣ Салтыковыхъ гувернеромъ былъ родной братъ Марата, который былъ пзвѣстенъ потомъ подъ именемъ Будри и съ этимъ именемъ сдѣлался преподавателемъ французской словесности въ царскосельскомъ лицѣе и былъ учителемъ Пушкина ²⁾. Вообще отцы и дѣды общественныхъ дѣятелей и писателей александровской эпохи получали иностранное образованіе и любили у себя дома составлять библіотеки иностранныхъ, преимущественно французскихъ писателей, которыя потомъ служили источникомъ образованія для ихъ дѣтей и внуковъ. Такъ, у отца Батюшкова, поклонника философіи XVIII в., была большая библіотека, которая и послужила образованію его сына. Ужасы французской революціи, напугавшіе всю Европу, бросили мрачную тѣнь на иностранное образованіе, на французскую философію и литературу; многіе не только перестали увлекаться ими, но и дѣлались ихъ преслѣдователями. Книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, какъ самый осязательный примѣръ того сильнаго вліянія, какое производила на русскихъ образованныхъ людей французская философія, подверглась осужденію, вмѣстѣ съ ея авторомъ, была запрещена и пзята изъ употребленія. Но когда прошла революціонная гроза, уваженіе къ французской философіи и иностранной литературѣ явилось снова и особенно усилилось въ началѣ царствованія Александра. Въ собраніяхъ „Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ“, основаннаго въ 1801 г. для распространенія новаго, Карамзинскаго литературнаго направленія, читались переводы изъ Беккаріи, Фланжіерц, Мабліи, Рейналя, Вольера и другихъ историковъ и публицистовъ XVIII в., на которыхъ воспитался Радищевъ и которые дали содержаніе его книгѣ. Въ сборникѣ этого общества, въ „Свитѣхъ музъ“ 1803 г. издателями его было заявлено горячее сочувствіе къ Радищеву, а въ

¹⁾ Объ этомъ Роммѣ см. статью въ Русскомъ Архивѣ 1887 г. кн. 1.

²⁾ См. у Липина: Общ. движ. при Александрѣ I, 2-е изд. стр. 75.

Сѣверномъ Вѣстникѣ 1805 г. была даже напечатана цѣлая глава изъ его „Путешествія“, „Клпнѣ“, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ бумагъ одного россиянина“; при этомъ издателями присовокуплено было слѣдующее примѣчаніе: „Читатели найдутъ въ семъ сочиненіи не чистоту русскаго языка, но чувствительныя мѣста. Издатели смѣютъ надѣяться, что гѣни усопшаго автора первое будетъ прощено ради послѣдняго“ ¹⁾. Чтобы распространить въ русскомъ обществѣ господствовавшія въ это время въ Европѣ идеи объ устройствѣ государства и государственномъ управленіи, напели нужнымъ перевести на русскій языкъ вполнѣ главныя политическія и политико-экономическія сочиненія, каковы: „Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ“ Беккариа (перев. въ 1803), „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи“ Бентама (1805—1811), „О существѣ законовъ“ Монтескье (1814 г.), „Ислѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ“ Адама Смита (1803—1806), „Политическая экономія, или о государственномъ хозяйствѣ“ Верри (въ 1810). Самымъ правительствомъ опять поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и явилось нѣсколько сочиненій объ этомъ предметѣ (Разсужденіе Андрея Кайсарова—*Dissertatio... de manumittendis per Russiam servis*. Gottingae. 1806). Наконецъ въ 1809 г. начались разныя реформы по части внутренняго государственнаго управленія, главнымъ дѣятелемъ которыхъ былъ Сперанскій.

Такимъ образомъ въ царствованіе Александра продолжалось усвоеніе идей флософіи и литературы XVIII в., но надобно замѣтить, что это усвоеніе имѣло другой характеръ, чѣмъ въ царствованіе Екатерины. При Екатеринѣ оно имѣло характеръ консервативно-электической. „Мой девизъ, говорила она, пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: полезное“. Примѣняя къ русской жизни идеи новой науки и литературы, она выбирала только существенно-необходимое и не касалась ни основы существующаго государственнаго строя, ни издавна установившихся формъ народной жизни, и сама, рядомъ съ изученіемъ европейской науки и литературы, изучала и другихъ возбуждала къ изученію русской исторіи и народной поэзіи. Образецъ такого отношенія ея къ европейской наукѣ и русской народности представляетъ и ея „Наказъ“. Такихъ же воззрѣній держалась и вся литература Екатерининской эпохи, проводившая въ своихъ сочиненіяхъ идеи „Наказа“. Но въ другомъ совсѣмъ направленіи дѣйствовали Александръ и его сподвижники; вводя разныя реформы, они уже не хотѣли держаться указаннаго консервативнаго направленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что иностранное воспитаніе, подъ руковод-

---

¹⁾ См. у Майкова: Сочиненія Батюшкова I, 39—40.

ством иностранных учителей, по сочинениям европейской науки и литературы, приносило большую пользу для общего развития русских людей, но с другой стороны нельзя отрицать и того, что оно было и вредно,—потому что совершенно отдаляло их от русской жизни и содействовало развитию того космополитизма, который, начавшись прежде, особенно усилился в царствованіе Александра. Известно, что самого Александра современники, а потом и потомки упрекали „въ недостаткѣ народнаго чувства и любви къ Россіи, живаго сознанія нужды и потребностей русскаго народа“, и указывали на то, что въ его политикѣ отвлеченныя соображенія космополитическаго свойства часто одерживали верхъ надъ прямыми и существенными потребностями Россіи и что даже въ средѣ самой близкой къ нему и самой вліятельной появлялись иногда лица, желавшія дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи и въ явный ущербъ русскому народу. Изъ русскихъ людей выходили люди съ высокими стремленіями и обширными познаніями, которыми они часто удивляли иностранцевъ; но эти люди до того благоговѣли предъ западною наукою и культурой, что холодно и съ пренебреженіемъ относились къ своей народности, къ родному языку и отечественной исторіи. Мы указали выше на семейства Тургеневыхъ и Муравьевыхъ, какъ на главные центры образованія въ александровскую эпоху, но изъ этихъ же семействъ выходили и декабристы. Можно сказать, что почти всѣ образованные люди конца XVIII и начала XIX в., даже тѣ, которые сдѣлались известными въ исторіи какъ горячіе патріоты и защитники русской народности, сначала увлекались космополитическими чувствами. „Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физиогноміи суть не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи . . . . Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы и выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ“ писалъ въ 1790 г. изъ Парижа въ Россію Карамзинъ, тотъ самый Карамзинъ, который вскорѣ явился самымъ горячимъ народнымъ патріотомъ, который создалъ „Исторію государства російскаго“ и этой исторіей пробудилъ въ русскомъ обществѣ чувство народности. Въ страстномъ, юношескомъ увлеченіи поразившей его европейской цивилизаціей, Карамзинъ (ему было тогда только 23 года) еще не замѣчалъ, что народность есть не что иное, какъ только индивидуальная форма общечеловѣческаго духа, что человѣческое не можетъ существовать безъ народнаго, какъ необходимой формы, въ которой оно выражается; что само человѣчество существуетъ только въ идеѣ, а въ дѣйствительности живутъ народы, французы, нѣмцы, англичане,

русскіе, а потому, чтобы быть человекомъ и служить человечеству, непременно надобно принадлежать къ какому нибудь народу, и конечно къ тому народу, обществу, средѣ, которымъ мы обязаны своимъ бытіемъ, и съ которымъ мы тѣсно связаны вѣрою, законами, правами и обычаями.

Графъ Завадовскій въ 1800 г. писалъ къ А. Р. Воронцову: „Ежели не всѣ, то однакоже многія пробѣжалъ я наши исторіи: хаосъ не очищенный отъ лжи и невѣжества. Стоять одни племена и числа, а прочее все завалено грубымъ слоємъ.... Пишущимъ монахамъ не спорили монастырскія стѣны, а міръ легковѣрный, потому что не просвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Смыъ образомъ, я полагаю, составила исторія нашей древности, на которую по пустому устремляемъ наше любопытство. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли намъ горизонтъ? Въ безднѣхъ дикихъ народовъ, преправившихся между собою, едва виденъ Россѣ. Всю полосу до царства Іоанна Васильевича должно откинуть in loca imaginaria, каковы полагались, прежде чѣмъ знали физіку, за предѣлами земной сферы. Но и сія эпоха перемѣщена подобнымъ нравомъ, каковымъ объаты широкіе напуски отъ Китая, отъ Чингисхана и отъ вѣрующихъ въ Магомета. Потому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, если черпать оную хотимъ глубже, а не отъ временъ Петра В. . Для просвѣщающагося вѣка пріятнѣе повѣсть отъ начала просвѣщенія и отъ плени виновника онаго.—Когда ты занимаешься Плутархомъ, то сравни умъ и силу его израженій противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему мнѣнію, только та исторія и пріятна и полезна, которую или философы, или политики писали. *Но еще наши науки и нашъ языкъ еще не достигнули до того, то и лучше пользоваться чужимъ хлебомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиною.* Когда пріѣдешь въ Москву, пришли мнѣ каталогъ продажныхъ французскихъ книгъ“. Соглашаясь, что и въ древнемъ періодѣ нашей исторіи были важныя происшествія, какъ напр. въ царствованіе Іоанна Грознаго, онъ однако же, по поводу Исторіи Щербатова, говоритъ, что всю эту древнюю исторію можно помѣстить на одной страницѣ: „Писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, *чтобы наши всѣ матеріалы на времена до Петра I вмѣстить въ оную.* Но еще не перевелся, и не такъ скоро пройдутъ любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ, древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидѣній, убѣдившись въ томъ всемірною исторіею“¹⁾. Такія выходки

---

¹⁾ Семейная хроника Воронцовыхъ А. Д. Бригнера. Вѣстн. Евр. 1887, сентябрь.